

Начал писать 21 января 1988г.
Мыльников Сергей Михайлович.
(с. Старица Парабельского р-на на па-
мять внукам моим).

Родился я 20 сентября 1923г. в д.Большая Сафониха Называевского р-на Омской обл. В семье зажиточного крестьянина. Отец мой Мыльников Михаил Иванович родился 21 ноября 1887г. в той же деревне. Мать Мыльникова Василиса Сергеевна (девичья фамилия Песцова) осень 1889г. той же деревни. Старший мой брат Иосиф 1918г. рождения сейчас живет в г.Исилькуль Омской облласти. Сестра Елена Мирошниченко 1928г. рождения, живет там же. Еще сестра Александра Дударева 1927 г. рождения живет в г.Мегион Тюменской обл. От оспы умерли брат Ваня и сестра Маша в 1915-16гг. От голода в 1931г. умер Витя - 1,5 года, а в 1934г. тоже от голода умерла Валя - 1год.

Дед мой Мыльников Иван Самойлович (1842г.- 1920г.) жил тоже в деревне Б-Сафониха. Прадед Самойло Иванович (1812-1897г.)

Деревня Б-Сафониха стояла на берегу озера поросшего большей частью камышом, а в 30-е годы озеро высохло и на его дне косили сено.

Семья жила в большом деревянном доме, купленном у разорившегося купца Жезлова. В начале 1919г. дом переделали(уменьшили). Старый дом имел 6 комнат-горниц, большую кухню-прихожую. В новом доме я запомнил большую русскую печь(2,5м*1,5м), там мы в морозные зимние дни играли "бабками". Еще были полаты где спали в холода. На полаты лезли через печь, там было всегда теплее. Возле стен в кухне были широкие из плах лавки, возле печи широкие полки на которых ставили домашнюю утварь: сито, корыто для рубки мяса на пельмени, ступа, квашня, скалки(катать белье вместо утюга), а чугуны, тазы и т.д. под лавкой у печи. В переднем углу большая позолоченная икона, серебряный массивный крест-распятие. И конечно же стол из толстых плах. Семьи были большие, родители жили с женатыми сыновьями, ели из большой общей миски деревянными ложками. По рассказам матери дедушка занимался хозяйством: сеяли пшеницу, овес, горох, лен, коноплю. Я помню в детстве стояла в ограде завозня-склад где хранили муку разного помола и в другой половине мясо и др. продукты. Еще пять амбаров (небольшие 5*5 или 5*10) где хранили пшеницу и др. культуры. Один склад на "задах" подальше от деревни с пшеницей (удален на случай пожара). В большой ограде был подвал из кирпича и широкими железными воротами. Еще была лавка (винополка) где торговали "ребята" (мой отец) вином, спиртом, солью, сахаром, табаком, конфетами, ситцем, сбруей конской и прочей мелочью.

Кроме того дедушка имел маслозавод, где вырабатывали масло из молока, которое носила деревня. Он арендовал за небольшие деньги у государства по несколько сот гектаров плодороднейших степных черноземов. На этих землях кочевали казахи (как их называли "киргизы"). За использование земли "киргизы" пасли скот, овец, косили сено для нужд деда. По осени забивалось до 300 голов крупного рогатого скота (это то, что сейчас сдает наш совхоз "Старицинский"). Мясо, масло зимой возили в г.Омск и там продавали купцам по ранее заключенному договору. Овес продавал дед для армии (для кавалерии). Мукой тоже торговали. Работали сами (три сына: Михаил Иванович- младший, Григорий Иванович -средний, Илья Иванович -старший) и работники, работницы из родственников. Трудились день до ночи, без

выходных и отпусков. Покупал скот у лентяев, кто мало заготовил сена и телята были на грани гибели. Да и не только телята, коровы, кони (молодняк), овцы. Для скота на отгоне в степи делали большие сараи, укрывали сеном и казахи ухаживали за ним, а летом там же пасли. Степи были не распаханы, травы богатые и скот хорошо нагуливал вес. Никто не мог отказать в работе, так как жили на землях арендованных дедушкой.

Были случаи нападения разбойников, когда он ездил получать деньги в Омск за свою продукцию и для расчета рабочих и сдатчиков молока. Благодаря хорошим 2-м рысакам и 2-м наганам, которые он носил, дедушка всегда с "успехом" отстреливался от нападавших разбойников. Мать рассказывала, что дед закрывался на крючок в своем кабинете и считал финансы (нужно рассчитать рабочих и прочие расходы, приобрести необходимое и получить прибыль). Говорила, что была шкатулка с золотыми монетами в 25 тысяч золотых, куда он ее девал неизвестно, потому что умер внезапно. Это была его прибыль...

Мой отец с мамой поженились в 1908г. В 1910г. был призван в армию. Служил в казачьей части в кавалерии. Срок службы 4года. Служил в Забайкалье и в Китае в г.Харбине. там учились военному делу, помогали китайскому правительству вести борьбу с хунхузами- разбойниками. Хунхузы грабили китайцев, убивали жителей, угоняли в горы и леса стада скота, коней, верблюдов, овец. Борьба с ними была трудной, они хорошо знали местность, владели стрелковым оружием имели укрепленные базы и везде своих агентов. В горах много было дичи, зверей, змей. Рассказывал отец по вечерам об разных эпизодах своей службы, обычаях и жизни китайцев. А мы дети, забравшись к отцу на колени слушали разговоры взрослых разинув рты.

В 1914году он демобилизовался, а через два месяца началась война с Германией и его сразу взяли в армию. Два года окопов, затяжные бои в районе Мазурских озер и болот, окружение и 2года плена. Побег и неудачно, снова побег. Пока добирался домой началась революция. По дороге заболел тифом. Проболел больше года, чуть "концы не отдал". А тут гражданская война. Отступали "белые" и наступала красная армия. Белые офицеры с пистолетами бегали по деревне требуя от крестьян подводы и лошадей для бегства. Дедушка жеребцов и лошадей угнал на это время в лес. Но все же ему пришлось увозить офицеров до следующей деревни. Домой пришел пешком, лошадей не отдали, а через неделю один из коней (Рыжко) прибежал домой с оборванными поводьями.

В Сибири хозяйничал со своей армией адмирал Колчак. Восстали пленные чехи, они поддержали Колчака. Начался террор, расстрелы неугодных, дезертиров, активистов. Власть Советов пала. Больного отца мобилизовали в армию Колчака. Куда увезли? В Тюкалинск. Кто-то сообщил Ивану Самойловичу, что Мыльников Михаил больной лежит на вокзале ст.Называевск. Дедушка запряг рысака в кашевку и поехал. Скрытно в тулупе вывел отца, посадил в кашевку и был таков. Домой не повез, а сразу на дальнюю заимку в избушку. Там он и жил какое то время. Наступала кр.армия, солдаты оборванные, в лаптях, усталые и грязные. Им отдавали шубы, валенки. Мать говорила, что ежедневно по два раза топила баню, солдаты мылись, прожаривали обмундирование от вшей. Свирепствовал тиф. Отступая "белые" бросали оружие: винтовки, сабли. Приходилось все брошенное оружие прятать, закапывая в землю. Ибо за хранение оружия могли жестоко наказать как

"белые" так и "красные". Вместе с "белыми" бежали на Восток в Китай богатые с семьями. Предлагали и Ивану Самойловичу бежать. Но куда побежишь? Разве можно бросить все нажитое большим трудом и потом. Нет, мы уж как-нибудь проживем здесь, здесь не только наше хозяйство, но и бесчисленные родственники. Иван Самойлович умер внезапно в 1920 году.

По стране, Сибири в начале 20-х прокатилась волна крестьянских восстаний. Не обошла она и нашу деревню. Отец был избран председателем сельского совета и в восстании участия не принимал. А все кто участвовал были расстреляны сразу же. В конце 20-х годов хозяйство было небольшое: 2-3 пары рабочих мерин, жеребец, 3-4 кобылки с жеребятами, до полутора десятка коров, овец с полсотни, гуси, куры, 2-3 свиньи. Это период НЭПа. Торговлей ведал дедушкин младший брат Федор Самойлович и его сыновья Леонтий и Михаил.

Потом наступил период раскулачивания 1929 - 1933 г.г....

Запомнились отдельные эпизоды детства. Родители брали нас с братом Иосифом на "пашню", так тогда называли заимку где сеяли хлеб и косили сено, держали скот и был за каждым хозяйством закреплен участок пахотной земли, сенокос и лес. Лес бережно растили для построек, а кривой и сухостой шел на дрова, берегли его, ведь он был свой. Была там небольшая избушка, загоны и крыши (соломенные) для скота: коней, коров, овец и гусей. Гусей привозили на откорм после уборки пшеницы. Скот держали до зимы, до ноября. В субботу родители уезжали помыться и попариться в бане, в воскресенье отдыхали, работать в воскресенье и религиозные праздники грех. Во время работы питались в основном хорошим хлебом (ежедневно выпекали хлеб, пироги, шанежки) мясом, кололи овец и баранов, картошка и отменный хлебный квас, молоко, яйца.

Избушка наша и соседская (Максима Мыльниковы) для нас ребятишек была заветным местом. Там играли, бегали и прятались в конопле, которая росла вокруг избушек и загонов. Собиралось нас человек по пять (старшие по 10-15 лет, а мне было 5-6 лет). Ездили на конях на водопой, старшие следили в воскресенье за скотом. В лесу выли волки и их горящие глаза видел и я. На конях висели ботала и их звук отпугивал хищников. А мы запирались в избушке на крючок и старшие начинали готовить ужин и рассказывать страшные сказки (про царей, чертей, бесов) от чего мы сбивались в кучку, с головой укрывались шубами и засыпали. Однажды двое незнакомых мужиков приехали на телеге к избушке, видимо узнали, что взрослых нет, все уехали в деревню. Они начали ловить и связывать овец. Мы испугались и закрылись в избушке на крючок. А мой брат Иосиф (ему было лет 10) высунул клюшку в щель дверей и крикнул: "Сейчас застрелю из берданки!" Было уже темновато и эти воры конец клюшки приняли за ствол ружья. Испугались, бросили связанных овец и дай Бог ноги. А утром приехал отец, увидел связанных овец и похвалил - "Ай да Оська! Ай да молодец!".

Летом в праздники и воскресенья взрослые отдыхали (но ежедневно надо было накормить и напоить скот, почистить навоз в денниках крытых дворах) отсыпались, а после обеда выходили на улицу, усаживались на лавки и щелкали подсолнухи (семечки). Молодежь водила хороводы, пели песни, играла гармошка. Еще игры: в мячик кожаный, шаровки, лапту, бабки. А "мелузга" в 5-7 лет "строила" "аэрплан" из дуги и оглобли, "машину самодвижку" из лобогрейки. Пошли с Сашей Мыльниковым в "гамазин" купить бензин, но нам

дали конфетку. Конфеткой (звали ее лампасейкой) терли платформу лобогрейки. Санька сидел на беседке и кричал: "Сережка держись крепче!". А я только в испуге повторял: "Санька! По домам не езд!".

В конце двадцатых годов хозяйство было не большое: 2-3 пары мериноров хороших, 3-4 кобылки с жеребятками, жеребец (кони основа хозяйства), коров было полтора десятка, овец с полсотни, гуси, куры, 2-3 свиньи. Старший брат Иосиф мне говорил, что дедушка Иван держал до 40 лошадей с молодняком, до 30 дойных коров. Племенные коровы стояли в коровнике на привязи, там же телята, в конюшне жеребец. Остальные коровы, молодняк, кони, овцы все было в денниках под соломенной крышей. Под крышей и сеновал. Подле сарая стояли телеги, сенокоска, лобогрейка или самосброска, сани и прочий инвентарь. Торговлю вел Федор Самойлович, брат деда.

Вставали рано в 5-6 часов, а то и раньше. Спали на кошмах из шерсти. Были и перины, подушки укрывались одеялами, но в основном шубами и тулупами, козьей дохой. Носили зимой шубы, самокатные валенки, зипуны из овечьей шерсти (назывались "серьмяги") и обязательно широкий тканый из шерсти пояс- опояска. Отец говорил: "Встанешь в 4 часа, надаешь скоту сена (поили другие, гоняли на озеро коров, лошадей, а еще привозили воду в бочках домой), запряги шесть лошадей в сани и за сеном. Стога находились в 20 - 30 километрах от жилья. Навалишь 6-ть возов (по 4-5центнера) сена и домой. К 10-12 часам добредешь.

Во время поста мясо, молоко, масло есть было нельзя. Ели редьку с квасом картошку, покупали рыбу - постовали, а надо работать как следует. Поэтому иногда "втихаря" от Бога и старух варили пельмени. Варили из ячменя проросшего хороший квас и парили в печках в корчагах пиво. Сусло стекало из корчаг по плашкам, а потом дело техники. Думаю, что не обходилось и без самогона. В праздники съезжались родственники и разухабисто гуляли, кто пел песни, кто дрался, кто бабу бил - без дела не били. На "масленицу" катались в кашевках на лучших конях - жеребцах, одевались в добрые одежды и особенно это было делом ребятишек. Ездили иногда в церковь молиться Богу. Перед сном вся семья молилась на иконы, перед едой тоже молились, кто первый раз в день заходил в дом - обязательно крестились, кто со стараньем, а кто для вида, чтоб старухи не ворчали и другие не судили. Дедушка и отец небыли очень набожными. Дедушка Иван Самойлович говорил: "в работе и еде греха нет". Поэтому сам иногда нарушал божьи законы, а кму подражали и сыновья: Илья, Григорий, Михаил.

Дедушка, отец матери Василисы Сергеевны - Песцов Сергей Сергеевич умер в 1949 году на 105 году. Был крестьянин средняк, бабушка по матери Анастасия Ивановна была немного грамотная, читала книги и любила нам внукам рассказывать сказки про Бову королевича, Илью Муромца и невольно приходит на ум как любили мы бабушку. Она была чистоплотна и опрятна, приветлива. Всегда ее приглашали на роды, даже на трудные роды ездила в казахские аулы. За это была очень почитаема людьми деревни и соседних дреревень. Бабушка по отцу - Гонохова Ольга умерла рано и я о ней ничего не знаю, говорила мама, что была добрая и умная женщина, всегда помогала голодным людям. Ведь в тот период было много нищих, они ходили по дворам и просили милостыню "ради христа". Давали кто как- булку, калач, пирог, а то и просто кусочек хлеба. А бабушка Ольга украдкой от деда Ивана подавала и мясо, яйца, пироги и шанежки, а то что-нибудь из одежды(рубашку, штаны, платок). А нищие все

шли и шли; в одиночку, семьями, всех национальностей, а особенно отличались своей изобретательностью цыганки с детьми. Если одна заходила в дом с ватагой ребятишек, то другая в это время "промышляла" по кладовке.

За озером, после революции образовалась коммуна из беднейших крестьян, большинство которых, откровенно говоря, были лентяи. Скот, зерно, одежду, отобранную для коммуны у зажиточных крестьян они попросту съели, а работали в большинстве своем плохо. Семена съели, скот тоже, а тот который остался подох от бескормицы (сено-то тоже не накосили). А отбирать у зажиточных без конца стало нечего и вот поголодовав как следует, походив с сумой за милостыней (да и милостыню давать стало некому, так как зажиточных крестьян раскулачили и сослали на север в тайгу на верную смерть) - коммуна развалилась. Хотя государство всячески помогало ей семенами и техникой.

Почему в Сибири сложилась такая структура неравенства? Каждому понятно. Кто работал не считаясь со временем, был предприимчив и имел еще светлую голову - тот и богател. Благо, что земли хорошей в Сибири было достаточно.

В марте 1929г. семья переехала в хутор Сосновку Исилькульского района Омской области. С нами переехали старший брат отца Илья Иванович с женой и детьми Лидой и Сашей. Переехали брат мамы с семьей и несколько близких родственников. Почему уехали из Б-Сафонихи? Жить там стало невозможно, отбирали все: дом, постройки, скот, одежду. Невыносимые налоги и хлебопоставки. Сколько бы ни сеял крестьянин - все зерно отбирали, называлось это "продразверсткой". Поэтому не было смысла сеять хлеб, поэтому в стране был голод. Чтобы выполнить налог по льну - распускали веревки и сдавали куделю, а по шерсти, так как сдали все что было, стригли шубы и тулупы. А не сдашь - тюрьма. Вот и думали, что переедем на новое место и не найдут нас или как-то обойдется. В этот период с 1928года началось раскулачивание и ссылка на север за болота, в тайгу. Переехав в Сосновку, полгода жили несколько семей в сарае. Сделали полати, послали сено. Позже к зиме поставили небольшой домишко. Посеяли пшеницу, овес, просо, посадили огород - картошку, капусту и всякую мелочевку. Хутор небольшой, десятка полтора хозяйств. Несколько хозяйств было из австрийцев и венгров - это бывшие военнопленные женились на русских вдовах и остались здесь жить, благо земли были черноземные и свободные.

К этому времени у нас осталось 4 коня, 3 коровы, с десятков овец. Пшеница родилась хорошая, по 2-3тонны с гектара, огурцы и арбузы росли на земле без гряд. Вырос овес, просо. Казалось можно и жить. Хутор был расположен в березовом лесочке. Воду брали из общего глубокого колодца, на общие нужды рыли свои мелкие колодцы по 4-6метров, где вода была солоноватой. Из Сафонихи перевезли амбар-завозню и еще один амбар под зерно. Для коров, овец и лошадей сделали загоны: сплели из ракитника и обмазали глиной стены, накрыли соломой. Работали день и ночь, собирались жить...

С одной стороны рядом с нами жили Кулановы - бедный мужик с оравой голопузых ребятишек. Когда родители уезжали в поле на работу, дома оставался я, шестилетний пацан, младшие сестренки Шура, Лена и годовалый Витя. Куланята нападали на нас. У дверей были сложены кирпичи для печки. Вот этими кирпичами они колотили по двери в течение всего дня и кричали: "Сейчас вас съедим!" Мы закрывались на крючок и плакали - боялись, что они убьют и съедят нас. От них можно было всего ожидать - оборванные и

голодные. Потом старший брат Иосиф расправился с куланятами - надрал зад им крапивой. Нужда и голод сделали их такими жестокими и злыми. С другой стороны жили добрые люди. Уже на второй год мы подружались с хуторскими ребятами и весело бегали с ними по лесу, были всем довольны - вот оно беззаботное детство!

__ Р а с к у л а ч и в а н и е и с с ы л к а з а б о л о т о . 1 9 3 0 г .

Декабрь месяц. Я что-то приболел. Проснулся рано от разговора незнакомых людей. Милиционеры, родственники- брат мамы дядя Гриша, дедушка Сергей Сергеевич, еще кто-то. Мать плачет, испугана, мечется по дому. Иосиф уже оделся, просыпаются сестренки Шура-4года, Лена-3года, Витя- чуть больше года. Глядя на мать тоже плачут, тянут руки к ней. Отца, за день, ночью арестовали и куда-то увезли, никто ничего не знает. Я оделся и вышел на улицу. Вижу в ограде беспорядок. Коров куда-то увели, коней тоже, только серый мерин стоит напряженный. Овец и кур тоже нет. Амбар открыт настежь, зерна уже нет, рассыпаны в ограде пшеница, овес - возили ночью, кто сколько успел. Кто-то утащил телегу, бричку, кашевку, сани и конскую сбрую. Все описано и увезено куда-то (видимо в колхоз). На хуторе еще колхоза не было. У дяди Ильи Ивановича тоже такая же ситуация, он арестован, а тетя Пелагея Николаевна с Лидой и Сашей собираются в ссылку, все отобрано. Средний брат отца Григорий Иванович с семьей остался в Б-Сафонихе и был выслан в одно время с нами куда-то в Красноярский край, где и умерли от голода и морозов (он в дороге замерз, тетя Матрена и дети Алеша с Таней умерли с голода , старшие сыновья Петр и Василий куда-то скрылись от ссылки. В 1941г. погибли на фронте под Москвой).

Пришли провожать нас дядя Осип, соседи. Боялись даже провожать , скажут что сочувствующие и самих могут сослать. Спасибо дедушке Сергею Сергеевичу. Это он в задок саней положил мешок муки, железную печь, топор, пилу, лопату, сколько-то мяса, печеного хлеба. Бабушка Анастасия одела нас в шубейки, малышей завернули в тулупы, шали, перину положили в низ на сани, натолкали подушки. Надо барахло положить и самим сесть где то. А сани-то не резиновые, да и конь не тягач. Не забыли и икону, серебряное распятие. Милиционеры следили, чтобы никто не сбежал, даже мы, дети, ходили по нужде под присмотром милиции. Была мобилизована еще одна подвода, где на лошадей - нашу и дяди Ильи, везли сено и овес на дорогу до урмана (урман- так тогда называли тайгу).

Как мы будем среди зимы обживаться на севере за болотом? Никто не представлял. Ясно, что ехали на верную смерть. Запомнились прощальные слезы нашей бабы Анастасии, деда Сергея и всех родственников. Особенно жаль было детей. В чем вина этих людей? Что работали не зная отдыха. За что обобрали этих людей? Объявили врагами. За то, что кормили хлебом, мясом, маслом страну?..

И вот команда: " Собирайтесь! Поехали!" Привезли нас на железнодорожную станцию Исилькуль, поместили в Доме культуры железнодорожников. Там уже полно таких как мы омичей. Разместились на полу, холодно, все подавлены, плачут. Нас зорко охраняет милиция. Так мы прожили больше недели. Приезжали к нам дядя Гриша и дедушка Сергей. Привезли что-то из продуктов и вещей, но виделись из дали , подходить близко не разрешили. Все напуганы. Отца с нами нет. Кто говорит, что мужиков расстреляли, но милиция успокои-

ла, сказали, что скоро их к вам приведут. Как только погрузили коней и семьи, появились и мужья. Обрадовались, умирать так хотя бы вместе. Мужики ехали с лошадьми и имуществом в отдельных вагонах, а соединились лишь в городе Кинске (ныне г.Куйбышев Н-Сиб.обл.) перед отправкой через болото. Здесь мы впервые увидели паровоз, вагоны. Дети и есть дети - веселы, рады новой обстановке. Только бы не слезы матерей и взрослых. Никто не знает куда нас везут. А поезд идет и день, и ночь, ему "зеленая улица". А на улице трещат декабрьские морозы, метут метели.

В г.Каинске нас разместили на ночь в каком-то здании - не то тюрьма, не то казарма. Все в повал, негде ступить. А рано утром погрузились в сани и поехали на север в сопровождении милиции. Многие милиционеры были добрыми русскими людьми, они боялись, что мы разбежимся, а с другой стороны жалели и берегли детей. За сохранность они отвечали головой. А морозы были жгучие, меня закутали в козью доху, ведь мне было всего 7 лет и 3 месяца.

В наш обоз добавили извозчиков и на наших санях стало просторнее. Обоз пошел быстрее. Деревни встречались редко в основном болота и никто эти болотные километры не мерил. Делали остановки, кормили лошадей, сами что-то ели. И снова в путь. На краю болота с юга стояла деревня Горемычка. Потом ее переименовали и назвали Украинка, потому что в ней жили переселенцы из Украины. Здесь тоже ночевали. Люди понемногу стали узнавать друг друга, ведь все были в нашем обозе из Омской области, большинство Исилькульского района и других рядом лежащих районов. Люди степные боялись лесов и болот. Здесь впервые многие увидели хвойные деревья, удивлялись, что стволы сосен желтые и гладкие, а на елках и пихтах висят гроздьями шишки. А какие лохматые кедры, толстые стволы и такая длинная хвоя. Кричу брату: -"Оська! Сорви мне шишку!" Он положил шишку на доху перед носом - боюсь ее, похожа на большого жука -"Оська! Убери ее, а то боюсь!" А Осип смеется, тоже рад всему новому и неважно что ждет впереди. Переехали болото. Ночевали во Львовке или Шерстобитово. Приехали в Пудино, дорога узкая, сани задевают отводами за деревья, бесконечные лога и речушки. Кони не привыкли к горам и под гору мчатся сломя голову не сдерживая веза - "Держись! Держись!" Только и слышно. На одной из таких горок из саней в снег вылетела в ухаб сестренка Шура, ладно что не под сани и под ноги лошадей. Потом под горой остановились и еле отыскивали ее в потемках в снегу.

Проехали Собакино _ Калининск, Лушниково- деревушка в несколько изб.

. Пудино названо по имени остяцкого купца. Дом этого купца добротный, тут же амбары, сарай для лошадей и другие хозяйственные постройки. Самого Пудина уже не было в живых, его расстреляли как богатея еще в начале 20-х г. . Здесь теперь была комендатура.

Нас направили в поселок Язевку, что стоит на Язевом ручье. В поселке около пяти изб, землянки и бараки. Бараки рубленные первыми спецпереселенцами - кулаками в 1928-29 годах зимой. Они почти пустые, все кто в них находился переселились в землянки, которые вырыли в земле летом. В землянках сыро и темно, но теплее чем в бараках. Большинство же в первую зиму умерли от холода и голода. Ведь бараки рубили зимой кое-как, не все были плотниками, Конопатить пазы было нечем, мороз и ветер пробирались во все щели, согреться было негде, печей не было, а костер среди барака давал мало тепла,

да и кто будет готовить дрова? Мужиков сразу мобилизовали рубить дом-комендатуру и другие постройки. Наша семья разместилась у Мельничука Николая в небольшой избе. Это нас спасло от холода. Спали на полу у порога, места больше не было. Что тут запомнилось: в углу стояло мешков 5-6 ореха, годы эти были богаты на урожаи кедровых шишек. Их собирали осенью и даже по весне. Этим и питались. Было очень много ягод смородины по Язевке, в бору брусника, черника и голубика. На болотах росла клюква. Все у кого было немного сил собирали к зиме ягоды и орехи. Я ходил в барак к ребятишкам, там сидели обросшие старики, одетые и о чем-то тихо переговаривались. Сильно истощенные они еле двигались по бараку.

Мужиков сразу же в январе 1931 года направили рубить бараки в самый отдаленный угол за 60 километров в будущую Медвежку. Таким образом мы прожили в Язевке весь январь и февраль. А к марту было срублено три барака на расстоянии 2-3 километра друг от друга. Даже тут не разрешили построить бараки рядом, боялись что люди будут бунтовать. И мы поехали дальше в тайгу в самый глухой угол, где жили лишь медведи и другие дикие звери, даже речки не было. Вещи погрузили на одни сани, груза стало меньше - съели мешок муки, мясо, хлеб и другие продукты. Конь наш окончательно отошал и еле передвигал ноги. Кормить лошадей было нечем и они гибли один за другим, на очереди был и наш Серко. Милиция сдала нас комендатуре. Главный комендант находился в Пудино, его все спецпереселенцы боялись хуже самого страшного зверя. Еще были участковые коменданты их распоряжениям подчинялись беспрекословно.

В первый день доехали до п.Новожилово, что в 20 километрах от Пудино в сторону речки Таванги. Дальше конь наш не пошел. В поселке было около десятка хибар где жили сосланные "кулаки" из Кыштовского района Новосибирской области годом раньше нас. Ночевать остановились у Князева Ивана. Он уже немного обжился, съездил на "широкое место", т.е. домой на родину, кое-что привез: семян ржи, овса, льна, картошки овощей. У него была корова, маленький серый мерин нарымской породы. Князеву Ивану наш конь очень понравился и он предложил отцу с ним поменяться конями, санями и сбруей. - " Вам своего коня не прокормить, он погибнет, а у меня есть сено и я его сохраню. А мой малыш довезет вас до барака и доживет до лета" - сказал Иван. Обмен состоялся. Это было наше спасение от смерти, да и не только наше. На следующий день мы доехали до п.Лесково. Там была изба Полудничина Ефима Игнатьевича. Задержка была вызвана тем, что "Бурко" дяди Ильи Ивановича еле волочил ноги. Надо было помогать друг другу. Мужики коня вели под оглобли, чтобы он не завалился в снег. Мы все шли пешком по убродной дороге до барака. Весь груз и детей переложили на сани нашего "Малыша". С этих пор отец подружился с Князевым Иваном, заезжал к нему.

Жизнь в ссылке, в бараке.

Март 1931года - начало нашей жизни в бараке. С одной стороны барака была гари - выгорел кедрач. С другой - стояла тайга густая и черная. Рядом с бараком в гари стояла отдельным островком высокая пихта, а вокруг ее десятка 2-3 молодых пихт. Когда дул ветер тайга шумела, а особенно эта высокая пихта. Когда приехали в барак и дядя Илья увидел такое обилие зелени - тайга лохматая, разлапистая, то сказал отцу: -"Ничего, Михайло, здесь есть чем коней

кормить. Посмотри сколько зелени. Сейчас ахнем вон тот лохматый кедр и хватит коню на месяц". Так и сделали. Срубили кедр, пихту, ель и к сучьям привязали коней, а они не едят хвою. Себя утешали :- "Проголодаются, будут есть, голод не тетка". Но кони на привязи погибали один за другим. Барак в котором мы поселились был срублен в зимние холода, в пазах ничего не было, поэтому продувался он насквозь и мороз брал до костей.

Был он 5м * 12м с капитальной стеной посередине. По краям были нары, в центре проход, где стояла наша железная печь. Слева от двери на нарах расположилась наша семья из 7-ми человек, затем Кокорин Иван с женой; напротив нас дядя Илья - 4 человека; за ним Шевченко Петр -5 человек; старики Ольшанченко и еще какие-то люди. Все наши земляки - омичи. Во второй половине: Новосельцевы - люди культурные, богатые у них сын Петр и дочь Нина по 15-17 лет. Они сбежали на второй год. Еще Марьенко Петр с женой Еленой Ивановной - молодые по 20-25 лет - сбежали в первый год. Его брат Марьенко Василий с женой и двумя девочками. Нагорный Иван Иванович - хороший скрипач, у них три дочери: Надя, Люба, Матрена и сын Володя - он убежал, но его поймали. Многих сбежавших ловили и садили в тюрьмы где они и погибали. Таким образом в бараке на 60 квадратных метрах размещалось 12 семей около 60-ти человек. Но вскорости в бараке стало свободней : умер мой брат Витя, замерз на нарах голодный; замерз по дороге из Коровино в Медвежку (не дошел 4 км.) дядя Илья Иванович старший брат отца; умерли старики Ольшанченко и еще кто-то. Голодные люди еле двигаются, отпилят чурку от сушины, сожгут и снова пилят кое-как. Варили мясо павших коней. Оно худое, пенится. Но запах от него шел мясной и нам голодным казался приятным. Моя мать никак не могла нагнуться есть пропастину и терла гнилушки, мешала с мохом и ели - набивали желудок баластом. Была съедена цела колодина гнилая. Речки и воды не было, таяли снег, его было достаточно. Отца с нами не было, его с конем мобилизовали возить сюда другие семьи. Как-то привез он на нас и на дядю Илью паек : муки (очень горькая, наполовину с пылью - но это же жизнь!), соли, два сома и еще что-то. Продавали старообрядцам (как их называли - кержаки) лучшие вещи: перину, подушки, доху, шали, платки, платья - все что брали. За это кто что даст - ведро репы, полведра картошки, кринку простокваши. Да и у них самих ничего не было. А они говорили: -"Видно-те Бога-те не блюли-те. За большие-те грехи-те вас и сослани-те". Метров 200-300 от барака жила большая семья Гириных. Глава - Харламий Никифорович, его брат Афоня парень лет 17-ти, сестры с мужьями. Подсмеивались над "спецами". Еще жили Дегтярев Влас Ермилович , его сыновья - Антон (он погиб под Москвой) и Ванюшка, мои сверстники. Жена Власа, добрая женщина. Когда мы дожили до критической черты, моя мать собрала последние вещички и пошла к ней. Что могла, то и дала она матери: несколько репок, очистки картошки, отруби, молока. Ничего не взяла из наших последних вещей. Добрым словом поддержала мать. И еще налила стакан меда - его лизали мы по капле. Третья семья Ляховых - эти жили и сами впроголодь. Их сын Осип мой одногодок погиб на войне.

Километра полтора от нас был второй барак. Там жили: Пластун Макар с семьей, Пластун Павел и еще кто-то, Авраменко Семен, Дудьевы- мать и сыновья Миша и Яша(погиб на войне). Тут же на берегу речки Комбарс жили Кулагин Максим с большой семьей (сын Федя тоже погиб). В соседях у них жил Ботманов Феоктист (в войну прятался в тайге, потом сидел в тюрьме). А

еще дальше жила большая семья Тепляковых. Их два сына Ананий и Афоня погибли на войне. И вот когда были распроданы и проедены все вещи мать послала меня просить у старожилов милостыню. Я усердно крестился двумя перстами по старому обычаю, низко кланялся и просил - "Подайте ради Христа что-нибудь". На что мне жена Ботманова Феоктиста сказала :- "Милостыню просишь ради Христа, а молишься-те не истово". Думаю, как это не истово и говорю :- "Могу и еще молиться, лишь бы дали кусочек хлеба или картошину". Все до крошки нес матери, она делила мои скромные сборы-подаяния нам ребятишкам.

Коренное население, мы их называли старожилы, хотя бы и хотело нас спасти, но их было мало и сами они влачили полуголодное существование, а нас было сотни, тысячи и десятки тысяч.

Как только стало немного пригревать солнце в апреле, мы с Иосифом ходили собирать труху от сена. Каждую травинку, листочек и все коню, надо чтобы наш "Серочек" выжил до лета. Как-то в конце марта или в апреле зашел в барак старичок из старожилов, что жил в тайге. Увидел у моих родителей большой серебряный крест-распятие и предложил отцу : - "Отдай мне распятие и поедем-ко ко мне, там соломой-те коня покормишь, сам покормишься чем Бог послал и ребятишкам-те привезешь репки". Делать нечего, как-то надо выживать. Поехал отец к деду, вернулся недели через две. Привез матрасовку рубленной ржаной соломы коню, мешок репы, ведро картошки и несколько кусков хлеба. А к деду отправили Осипа. Там дед научил его ловить с молитвой зайцев, дал ему несколько петель, силков из льна(согнешь над тропой березку и привяжешь силок). На следующую зиму, да и осенью Осип поймал до десятка зайцев. Так мы дотянули до весны. В тайге вокруг деревьев оттаивали полянки, конь щипал прошлогоднюю траву. Потом появились побеги хвоща - "пестик" называли их старожилы. Варили и ели сырыми пестики и медунки - это уже не мох и гнилушки. Потом взрослые ходили в тайгу за колбой - колба сырая, колба вареная, колба жареная и все колба, колба, колба. Еще копали лилии - саранки. Луковицы саранки, это деликатес, что-то вроде бананов. Была бы река, можно и рыбы поймать, но реки нет. Вершина Комбарса - собака перешагнет, вода желтая болотная. Потом появилась малина. Ее в гари красно, но сил не было, кое-как двигались. На "пестиках" и колбе много не протянешь. Грибов не было.

Как-то к нам заглянуло начальство - участковый комендант Крагин (Крага). Заехал сначала к Гириным, поддал медовухи и заявился к спецам. Хотел прочитать доклад майский, но его так обступили женщины и старики: - Почему паек не даете? Посмотри что мы едим - вот колодину зимой съели, а теперь колба! На попробуй нашу еду!" Коменданту не до первомайского доклада и он дал задний ход. А женщины все кричали ему в догонку, проклиная все на свете. "Горе, горе живущим на земле!" Была даже песня - "Несчастливая жизнь всех лишенцев которых сослали в тайгу..." - петь боялись, посадят в тюрьму и расстреляют.

И все же малина нам здорово помогла. Еще ходили женщины в тайгу за черникой, брусникой и клюквой. Помню у нас под нарами был мешок с клюквой. Отец привез полмешка овса и мать толкла его в деревянной ступе, потом из этого варили "кисель". Огород в первое лето не садили, не было семян, да и сил тоже. Осенью с Осипом ходили в кедрач, он лазил на кедры и палкой сбивал шишки. Это лакомство особенно было приятно всем в бараке.

Но лазить на кедровую сосну нужна была сила, а ее нет. Можно было осенью поорешничать, но мы были изнурены и не было опыта, не представляли как готовить орехи. Заедали комары, паузы и мошки. Не было не сеток, ни пологов, последнюю кровь из нас выпивал этот гнус. И вот что удивительно! При таком гибельном положении не было воровства. Если в семье появился кусочек, то делили его на всех. Не воровали и у старожилов, а ведь у них были огороды, посева ржи, гороха и др. Умиряли с голоду, но не воровали.

Летом в дожди бараки протекали, негде спрятаться. Но лето было засушливое. Вода в ручье высохла, ходили за 1,5 км. по воду на речку Комбарс.

В тайге было много дичи: глухари, косачи и рябчики. Много было медведей, в малинниках их видели чуть ли не каждый день. Нам они вреда не делали. Видели в гарях и лосей. Но люди были не охотники, степняки-хлеборобы и животноводы. Ловушки ставить не умели, а старожилы и умели, но не хотели делиться опытом, для большинства спецы были чужие и нежелательные люди, а многие относились и враждебно. Пока самих не "прижали" в 1941 году.

Паек, что нам выделяли надо было привезти самим из Парабели на лодках по реке Чузик. Лодки делали сами, толкали шестами и веслами. Пока доведут по реке, а потом на себе из Пудино, от пайка почти ничего не оставалось. Особенно тихо шли лодки против течения. Лодки большие, водоизмещением 3-5 и до 10 тон. Рассказывал отец: "Выручал нас конь, дорог не было, тропинки по лесу в обход болот, многочисленные лога, ручьи и речки, а мостов нет. Речки переходили в плавь, а то и по толстым гнилым колодинам (стволы огромных кедров служили мостами). Мой конь мог пройти везде, брошу ему на шею повод и иду впереди не оглядываясь, думаю - не пойдет мой конь. Посмотрю, а он рядом со мной на другом берегу. За что его и называли "Бурундук".

У барака в тайге где пропадали кони собиралась масса таежных птиц: кедровки, роньжи, сойки, дятлы черные и пестрые. Они надсадно кричали, их пытались ловить силками из конского волоса. Сороки, вороны, воробьи появились перед войной. Радовались: - "Сороку сегодня видели! Или ворону." Шумела тайга, голосили женщины. Рады были увидев березку. Воробьи появились лишь после войны. -"С широкого места прилетели... Милые наши воробьи!"

В первое лето 1931года в бараке №3 произошла трагедия. Барак стоял от нашего 1,5 километра на берегу реки Комбарс. Жили в этом бараке большая семья Скок, Демьшевы, Баженовы. У Скока была большая семья - 8 детей. Доведенный до отчаяния голодом, видя безысходность, а может и с ума сошел, Скок ночью начал отрубать топором головы своих детей. Когда покончил со своей семьей, то хотел рубить и соседских детей. Но кто-то проснулся и поднял тревогу и Скока связали, вывели на улицу и начали бить. Потом привязали к дереву, его тут же облепили комары. Страшные его вопли разносились по тайге, наводя ужас на жильцов барака. Шесть детей и жена лежали мертвыми, а парень лет 15 и девочка лет 12 сидели тут же со страшными ранами. Мужики связанного Скока повели в Пудино, но комары по дороге выпили из него остаток крови и он скончался в чаще леса. Там его и оставили.

Надвигалась следующая зима. Что она принесет людям. Мать с тетей Пелогеей (жена дяди Ильи) собрали вещички и пошли через тайгу к Котову, который жил у кромки тайги в 12километрах от Гириных, в надежде хоть чем-нибудь поживиться. Рассказывала: -"Идем по тайге, тропинка еле заметная, в

тайге сумрачно, жутко. Смотрим, а навстречу нам идет медведь. Что делать? А он все ближе, остановился и смотрит на нас. А мы не живы ни мертвы. Начали кричать. И медведь уступил нам дорогу." Котовы встретили нас приветливо, покормили, дали немного хлеба и картошки. Домой в барак шли смелее. Котов сказал, что медведь человека не тронет.

Летом 1931 года раскорчевали лес, отец вспахал землю и посеял 0,15 га ржи и 0,07 га овса. Накосил сколько-то сена. Жить стало полегче. В ноябре нас с Иосифом определили в интернат, Лиду и Сашу Мыльниковых тоже. Интернат размещался в одной половине барака в Коровино, а во второй половине столовая. Кормили 2 раза в день. Поваром была наша землячка Баженова Варвара. Муж ее был арестован перед ссылкой и больше его не видели и не знали что с ним. Кормили супом из мороженой картошки и капусты, давали немного хлеба. Этим и жили. Спали на нарах в повал. Топили без конца железную печь и вели бесконечные разговоры о том, как на "широком месте" дома мама пекла хороший хлеб или пироги с морковью или мясом. Все разговоры о пище еще больше разжигали аппетит.

Вместо пьяницы коменданта Крагина был назначен старожил- Дудин Федор Андреевич, житель заимки, что рядом с Собакино - Калининск. Новый комендант был добрейшей души человек, понимал горе людей и особенно детей. Улучшилась доставка пайка: муки, соли, рыбы, даже сахар в мизерных дозах. За трудолюбие он сдружился с отцом. Отец строил в Коровино комендатуру, магазин, склады, а позднее школу и конечно же бараки так как ссыльные в течении еще 4-х лет все прибывали и прибывали. Везли их из Алтая, Новосибирской области, с Кавказа. Привозили все новых и новых людей.

Интернат в Коровинском бараке запомнился на всю жизнь. Было нас человек 40 ребят. Приходила несколько раз учительница с букварем и по нему все занимались, учили буквы. Учительница тоже из ссыльных, наша землячка с 4-х классовым образованием Ольшанченко Александра Ивановна. Мы все ее уважали, слушались, стремились заглянуть в букварь и запомнить буквы. Учили стихотворения. Запомнилось про землянику :

"Поспела земляника хоронится в траву,
Весь бор звенит от крика ау, ау, ау,
Знакомая дорожка на выручку ведет,
Я спелую в лукошко, зеленую- в рот,
В траве она мелькает, горит как огонек,
До самого до края наполним кузовок.

В конце букваря было стихотворение про красную армию. Вот это стихотворение:

"Трам, трам, тарарам. Расступись по сторонам.
Грозно движется пехота. Выходи кому охота.
За пехотой конница. Кто за ней угонится?
Следом едут пушки. Тоже не игрушки.
А над ними жу, жу, жу, я во все глаза гляжу.
Летчики в тумане на аэроплане,
Это все рабочие, это все крестьяне.
На защиту СССР каждый грудью встанет".

Из барака мы никуда не ходили, силенки у нас чуть теплились. Но когда раздавался стук в стенку - знак из столовой на обед или ужин, то мы срывались

с мест и неслись сколько было у нас сил в столовую. Там были расставлены чашки с супом и хлеб. У каждого было свое место и толкотни не было. Тут нас на пути ни что не могло остановить. Однажды комендант Дудин Федор Андреевич шел к нам в интернат и встретился с нами в такой момент в дверях. Его придавила наша ватага, но он не обиделся и только повторял: "Ничего, перезимуем, перезимуем ребятишки, силенки у вас еще есть".

А ссыльные все прибывали. Везли и из тех мест, где скопилось очень много людей, где умирали сотнями и тысячами. К нам в Сквородино и Коровино привезли в 1933-м году из Черноушки и Кедрача Химиных. К нам на квартиру поселили семью из трех человек: мать и два сына, Миша и Витя (Витя погиб в Сталинграде в декабре 1942г). Еще помню Семеновых, Полудничина Ефима Игнатьевича, Емельяновых, Бутееву. Все они из Алтайского хлебородного края.

Еще хуже положение ссыльных было по реке Васюган. Земли там были болотистые и песчаные на них ничего не родилось. Там погибли от голода тысячи ссыльных. Так там умерли родители моей тещи, то есть дедушка и бабушка моей жены - Шипицин Леонтий Егоровичи Матрена Николаевна. Туда были сосланы Охотниковы Герасим и Минадора Сергеевна - сестра моей мамы. Когда умерла с голоду тетя Минадора, у них осталось шестеро детей и еще двое умерло. Тогда дядя Герасим бросил детей и сбежал. Это был выход. Детей определили в детдом и они все выжили. А дядю посадили в тюрьму и он там умер. Вот какая была жизнь!

Поселок Сквородино. Март 1932 г.

И вот радость - в марте нам продали корову. Белой масти с красными ушами. Она сразу же отелилась и принесла беленького бычка. Мы бесконечно рады! Жизнь пошла по другому. Молоко нас здорово выручало. Им мы делились с другими семьями - по стаканчику ребятишкам.

В поселке Сквородино (еще не было названия) жили две семьи Сквородиных, сосланных из Кыштовского района. Еще жили Пластун Павел Лаврентьевич с женой Гапкой и детьми. Шиховцов Федосей Антонович с семьей, Белокобыленко Семен.

В марте мы из Медвежевского барака переехали к Сквородиным. Жили на квартире у Пластуна Павла. Их избу срубил в основном мой отец. Павло сказал ему: "Давай, Мышка, зрубаемо хату сначала мэни, а уж потим тоби". И отец по утрам и вечерам срубал березы и возил на усадьбу. Днем надо корчевать под пашню лес, ходить на работу, по распоряжению коменданта строить "казенные" постройки.

Однажды в начале лета, ночью разразилась гроза и пошел сильный ливень. Крыша пластуновой хаты была замазана глиной с соломой. Она размокла и не было в хате спасенья - с потолка бежали потоки грязи. Мужчин дома не было, они на лодках ушли в Парабель за грузами (за пайком, семенами). Хозяйка Гапка с дочерьми Варей, Катей и сыном Колей забрались под печь и под стол. Мы вынуждены были лечь в ограде на землю, мать укрыла нас тулупом(единственная уцелевшая вещь). На следующий день отец на своей усадьбе сделал балаган из бересты. В нем было сухо и главное - это наш балаган и не надо бояться Гапки - женщины злой и ядовитой. Это Гапка меня звала "Сергоза" с украинским "г". Меня все куда-то посылала, заставляла рубить и носить на дрова сучья деревьев, жерди и колья на огород. Только и слышно: "Сергоза дров неси. Сергоза рубай колья и жерди на огород. Сергоза

не чепай Колю. Сергоза копай огород". Теперь в балагане Гапка меня не изводила, да и не только меня, а мать и других детей.

Большинство ссыльных были такие, как мои родители: трудолюбивые, честные, готовые помочь друг другу. Они уже не были теми богатеями как их родители. В деревнях где шли собрания с предложениями о высылке вместе с "кулаками-мироедами" высылали и тех, кто мешал жить нормально: воров, конокрадов, пьяниц-алкоголиков, горлопанов которые вечно не уживались с соседями, а то и просто кого-то из-за ссоры. У них и все "богатство-то" было зипун-сермяга, лошаденка и коровенка маломальская. Такими были в Коровино Секисов Ипат Сосипаторович, Съемщиков. Работать по-настоящему не умели и не хотели, но зато на колхозном собрании по несколько раз выступали. На людей, которые хорошо работали и зарабатывали лили свой "зловонный яд". Или воруга Белокобыленко Семен и его женатый сын Филипп. Они обворовывали всех кого могли. А что воровать? Все жили на пределе бедности. Так этот Семен по ночам копал картошку в чужих огородах, рвал репу, доил чужих коров(коровы ночевали в поскотине) крал снопы ржи или овса и все вез домой на своей корове, запряженной в легкую арбу, при этом орал во все горло песни - "Скакал казак через долину..." И все знали, что он вез что-то краденное. Мог украсть и заколоть корову, а на следующий день, поедая это мясо, приглашать в гости соседей. -"Михайло! Дружечек. Заходи в гости". И угощал этим мясом. Всех называл "дружочек" обнимал и говорил -"Несчастный мой дорогой дружочек...". Хотя ночью у него что-нибудь украл. Отцу сказал: "Михайло , дружочек, ты снопы овса можешь скласты у моей ограде (у нас еще не было ни кола, ни двора) и отец привез снопы и склал у Сэмэна. А потом оказалось, что Белокобыленко все снопы поколотил цепом и осталось в них зерна на половину. За эти проделки комендант его садил в баню на несколько суток, но ему как с "гуся вода". Но Мальцев П.Я. за нетель пожаловался главному коменданту в Пудино. Потом он рассказывал отцу: "Так вот, Михайло, дорогой мой дружочек увели меня в Пудино за эту поганую телку Мальцева Пимона и посадили в баню. Так я же всех вас угощал этим мясом, разве это воровство? Сижу в бане по черному, сажа, окошечко и кулак не просунешь. А снаружи мужик с палкой охраняет меня, подопрет колом дверь и сиди. Я ему говорю: "Иди спи дома, я не убегу. Вот бери в залог мою шапку (ходил он и летом в шапке) и спи дома спокойно, а я тут, посплю. Как только мужик уходил я и пошел по пудинским огородам у кого что: морковь, репу, редьку, картошку, а если у кого были куры, то и курочку прихвачу". Стали люди жаловаться коменданту, выгнал тот его домой. Потом через год как то мылся Белокобыленко в бане и загорелась его изба крытая соломой. Не успел одеться, а избы нет. Его жена пошла в огонь, там было что-то ценное, но упала крыша и баба сгорела. А после пожара он понял, что это кто то сделал, разве мало горя он причинил людям. Сбежал в Омск в этот же год.

На новом месте речки не было, небольшой ручей, что бежал в конце огорода , в засушливые годы пересыхал. Копали ямы и сделали небольшой пруд в метр высотой, где поили скот и мы дети купались в жаркие дни в этой мутной воде. По этому ручью были заросли таволожки и черной смородины, черемухи, шиповника. Лес был из березы и осины и мать все приговаривала: "Хорошо здесь, березы как дома на широком месте растут". Вырубили на месте будущей усадьбы лес, что шло на постройку избы, что на дрова, на изгородь. В это лето посадили картошку (на семена обрезали макушки картошек, выковыривали

глазки и сеяли). Очень трудно было готовить сено, траву рвали руками в лесу. Была привезена коса-литовка ее берегли как зеницу ока. Жгли леса под корчевку и сенокосы, подсачивали (шкурили кольцом) березники где в последствии разрабатывали поля. В будущем огороде стояли большие березы, мелочь выкорчевали, а у десятка полтора-два берез подрубили корни, но свалить не осилили. Однажды ночью разразилась гроза, подул сильный ветер. Отец на крышу балагана клал дополнительно палки - боялся что его разнесет. А утром солнце, мы довольны, что в балагане сухо. А когда посмотрели в сторону огорода обрадовались еще больше - все березы, что мы подрубили лежали в повал. В первый раз посадили боток картошки. В каждую лунку клали конский навоз, перемешивали с землей и аккуратно клали глазок-другой от картошки. Посеяли репы, моркови, свеклы, редьки, капусты, турнепсу и табаку. Семян прислали с родины в посылке. Как хорошо, что зимой будет что кушать. Хорошо выросла рожь, овес. Будем живы! Коровушка с травы хорошо доилась, пьем молоко, стали поправляться и улыбаться, бегать и играть. Весной с удовольствием пили березовый сок, березы росли огромные. Из-за леса не видно было соседней избы. Поэтому лес беспощадно рубили и жгли. Прорубали дорожки и тропы к полям, что разрабатывали друг за другом. Помню однажды в начале июня встали раньше, отец запряг своего коня в волокушу. Конь от нашего балагана далеко не уходил, много гнуса, а тут ему днем и ночью разводили дымокур и он спокойно стоял или ел траву под прикрытием дыма. Вместе с отцом поехали за ручей за бревном для строительства избы. Отец рубит березу, а я тут же. Помогаю кору содрать, ведь ошкуренное бревно легче везти. На стук топора пришел Шевченко Петр, наш сосед по бараку и по Исилькулю. Он срывает побеги полевого гороха и ест. Побеги толстые в карандаш, молодые и мягкие. - "Ешь, Сирожка, горошек - говорит он, теперь тут мы не умрем. Смотри сколько кругом горошку, медунок, колбы! Горошек поспеет будем собирать и варить кашу".

Понемногу рос сруб нашей избы, надо к зиме сделать её. Надо и печь из глины слепить, кирпича и в помине не было. Обрубали кругом мелкий лес, кустарник, складывали в кучи и жгли. Для коровы сложили в виде чума вершинник от бревен - это её двор, накроем ржаной соломой, чтобы снег сверху не сыпал и будут жить с конем вместе. Надо и дров заготовить на зиму. Рубили сучья, складывали в поленницу. Пилы не было, еще в Каинске украл её Белокобыленко, а соседи пилу берегли и не давали пилить лес или дрова. Все рубили топором. Не было ни стекла для окон, ни железа, ни гвоздей. Черемуховый прут шел везде: на изгородь, на постромки к хомуту, на заворотки к саням, на обручи к кадочкам, на корзинки и короба. Всего не перечислить. В лесу росло много грибов и ягод. Собирать их мы ходили со Сквородиными Шурой и Мишей. Вдохновляла нас на это бабушка Ульяна - очень добрая старушка, чем могла, тем и помогала нам ребятишкам. Учила распознавать птиц и птичек, учила ловить их пленками из конского волоса, распознавать грибы и многим житейским премудростям, обласкает нас, и своих, и соседей, зимой посадит на огромную печь, обогреет. За что мы её и любили. Дед Дементий Герасимович - на вид грозный, хмурый и сердитый старик на самом деле был добрейшей души человек. Учил нас как отличать съедобные грибы от ядовитых. Говорил нам: "А это ребята самый лучший гриб - боровик. Гриб, гриб боровик - всем ребятам дробовик". Был он мастер по дереву. Делал кадочки, шайки, деревянные ведра, пудовки, маслобойки, бочата и бочки,

самопряжи, сани, телеги, ткацкие станки, льномялки, столы и табуретки и многое другое. Весь поселок пользовался его поделками.

30 июля 1932 года отец сказал: "Рожь поспела. Завтра пойдем свою рожь жать (называлась она рожь-сыпучка). Нажнем ржи, подсушим на солнце, намолотим, часть посеем, а остальную на жерновах хорошо измелем, напечем чистого ржаного хлеба, положим на стол и скажу - ешьте, ребяташки досыта!" - "Не может быть, тятя!" - отвечали мы. Неужели можно есть хлеб досыта? Как мы этому обрадовались. Ржи посеяно было полтора загона или 15 сотых гектара. Еще был посеян овес, немного льна. Всю ночь я думал, как будем жать рожь и жевать зерна ржи. На утро выдалась хорошая погода. В поле пошли отец, мать, Осип и я. Взяли два серпа. Рожь хорошо раскустилась - от одного зерна выросло по 5-6 полноценных стеблей и колосьев. Колос крупный в четверть длины, зерна открытые и крупные. Работают родители осторожно, чтоб не потерять и зернышка. Высота ржи 2 метра урожай не менее 30ц. С га, а поскольку у нас 0,15га это около 5ц. или 10 мешков зерна. На посев уйдет побольше мешка, а остальное на еду. Вот и живем с хлебом, но он по прежнему будет делиться по пайкам. А потом намолотим овса, часть на семена, часть коню, ну и себе будем толочь на кашу. А лен надо прясть, ткать и на одежду, ведь обносились здорово.

К октябрю изба была срублена. Из глины сляпали печку, еще в дополнение поставили железную. Полу в избе не было, не успели сделать, за печью нары сделали из колотых осин, лавку, стол из колотых сухих кедровых плах. Крышу накрыли берестом, а сверху земляные пласты. Под нарами вырыли подпол для картошки. Вот и вся обстановка. Зимой все спасенье на печи, да тулуп сверху. Осенью в сентябре копали картошку. Земля хорошая, обработана хорошо и урожай собрали большой. Нарос крупный турнепс, репа, морковь, свекла, табак. Ели турнепс и репу, морковь берегли, её мало и она шла на пироги и шанежки. Наросла и капуста. До чего же вкусные шанежки с капустой, свеклой и морковью. А сверху с вытопками коровьего масла. Теплые, нежные - язык проглотишь. Нет! Сейчас нет такого вкуса в пирогах. Пол в избе из жердей осины послали следующим летом, а года через 2-3 напилили продольной пилой кедровых плах, наслали хороший пол, сделали у стен лавки и полати где и спали. Печь тоже переделали на русский манер. Пристроили сени, корове стайку, вырыли погреб.

Рядом с нами жил Сквородин Константин Андреевич, как его звали - дед Костя. Бабушку звали - Дарья. Еще дочь Анна (Анюша) не совсем с умом, но зато все делала по хозяйству. Сын Петр, дочь Елена. Удивлял их разговор: тажно (тогда), ковда, колды, товда. Были они прижимисты, ничто не дадут, даже картошину на семена, боялись что сглазят, изурочат. Они сосланы из Кышновского района и несолько раз ездили за болото в свою деревню. У них был хороший белый конь, корову привели, черных полудиких свиней. Привезли зерно пшеницы, ржи, гороха, льна, конопля, белой картошки, холсты. И сразу зажили, голоду настоящего не знали. Сын Петр умел играть на гармошке, привезли и гармошку. Кроме избы была крыша для коня, коровы и котух для свиньи, вырыли погреб. Дед Костя немного кузнечил. Если кто приносил ему сломаную литовку или серп, то он делал, приговаривая: "Коли какое дело, тажно можно и сделать". Они сосланы были в зиму 1928-29г.

Потом в 1933 году привезли зимой из Черноушки и Кедрача семью Химиных и поставили к нам на квартиру. Сам Химин Матвей Сосипатрович сидел в

тюрьме, лишь перед войной пришел из лагеря к семье. Жена его умерла, а Мишаи Витя жили после нас на "буфере", как Павло Пластун прозвал заимку Мальцевых. Старожилы Мальцевы не стали жить со спецами, их часто зорил пресловутый Белокобыленко Семен. То нетель заколол, то пасеку разорил. И они ушли в гарь за 20 километров за тайгу. В их избах поселились Данилов Алексей (наш земляк), Суммарок Дмитрий, Брагинец Сергей Мартимьянович и его брат, Василий, да еще бабка Горбаручиха. Сам Химин был хороший бондарь, делал кедровые бочки под ягоды, а колхоз их продавал кооперации. Приехала семья Ньюколовых. Глава семьи Григорий - белорус, в конце 30-х пришел к семье из лагеря. Жена умерла с голоду, остались дети: Степан-15 лет, Анна-12 лет и Коля - 7 лет. Говорил Григорий: -"Бодайбо, строили канал им. Сталина на берегу Белого моря. Умирили ежедневно сотни и тысячи. А мы похитрее - гнали "туфту". Так мы обманывали Сталина". Потом колхоз брал бруснику в Комбарсовском бору, а зимой ее возили. Степа Ньюколов поел мерзлой брусники - воспаление легких и умер.

Привезли скмью Сеиеновых. Старики сделали землянку. Дед был мастер, плел хорошие лапти. На них был большой спрос, даже школьникам давали, кто больше нуждался. У Семеновых были сыновья Петр и Василий и их дядя Александр - молодой парень. Потом в 1937 году Семенов Егор - могучий, угрюмый мужик , был выбран председателем колхоза, но через год его посадили, как врага народа и вредителя. Александр был бригадиром в колхозе, его призвали в Красную Армию в 1941 году и он погиб под Москвой. Осталась его жена Анна и дочери. Петр пропал без вести, Василий в 1944 погиб на фронте, старики умерли и осталась от этой большой семьи Фекла Семенова. Выплакала все слезы и уехала жить в поселок Дерешево. Все они были сосланы из Алтайского края.

А из Кедрача привезли Бутееву Елену с дочкой - муж погиб где-то в лагере, Емельянову - у нее все умерли в Кедраче. Еще семья Шиховцова Федосея Антоновича. У них были две девочки и два мальчика. Зоя и Тамара были подружки моим сестрам, а их отец был у нас в колхозе бригадиром. Из Васюганья приехал Пластун Семен Лаврентьевич , там все умирали. Его жена, Мария Ивановна, была прекрасная огородница, имела диплом с выставки за выращивание овощей. У них была дочь Даша. Вот и вся наша заимка-хутор, которая в последствие именовалась поселок Сковородино. Потом переехали к нам Сумарок Дмитрий, Даниловы, Абрамовы, Хребтов, Марьенко.

Уже в 70-е годы я охотился на соболей и белок в тех местах. Видел заросшие ямы вокруг Черноушки и Косихи где когда-то жили сосланные, провалы больших братских могил в бору и по берегу р. Омелич и названия этих деревень-землянок: Алейское, Томское, Косиха, Черноушка, Широкое, Березняки. Неприятное ощущение вызывают эти "мертвые" деревни с ямами подполов, погребов, сгнивших крестов на многочисленных могилах, умерших от холода и голода людей.

По ночам зимой при свете лучины пряли лен, нас ребяташек заставляли держать лучинку, одна сгорит и сразу же поджигает следующую. Потом весной ткали холсты на стане или как их звали - кросна. Носили все из льна: нижнее белье, рубашки, штаны, полотенца, наволочки, матрасовки, мешки, фуфайки (стеженые на заячьих шкурках), палатки для подстилки на брички, что бы не терялось зерно. Лен рос хорошо, когда зацветал синими цветами - не

насмотришься . Летом по вечера и ночам "дыркали" коростели, свистели перепелки. А в лесу ухал и хохотал филин. Были частые встречи с медведем. Много они вытаптывали овсов, объедали снопы, даже на ток у деревни, где молотили овес они еженочно приходили. Поэтому снопы старались сразу после скашивания привозить домой в деревню, складывать в скирды.

Сахару не было, поэтому ребяташки, да и взрослые в июне сочили березовый сок. Он очень вкусный, да и надо было вести борьбу с лесом. По весне в лесу пускали палы, после чего на этих местах росла молодая трава где пасли скот и косили сено, а потом и силос закладывали. Палы пускали ежегодно, ведь хвойного леса не было , а болота не позволяли пожару далеко уйти. После палов легче было корчевать лес, а зола удобряла землю.

Зимой на березы прилетали огромные табуны тетеревов- косачей, тут же они падали в снег на ночь, отдохнуть. Очень много было куропаток, глухарей и рябчиков. Ловить их мы не умели, лишь перед войной дед Демка ставил из палок ловушки и на санках привозил птиц. А я силками из конского волоса ловил куропаток.

Осенью пошли в школу в первый класс. Перед занятиями выстраивалась линейка, где дежурные ученики проверяли на чистоту учеников. Заглядывали в уши, нет ли грязи, не отросли ли волосы, ногти, чиста ли рубашка, есть ли пояс на рубашке и т. д. Школа располагалась в избе, тут же жила учительница. Кроме занятий по письму, математике, пению, физкультуре была музыка. У учительницы была балалайка и она нас учила играть на ней. В первый год школа держала кроликов, потом свинью. Был один раз обед. Это очень помогло нам выжить. Изредка был суп и с мясом свиньи - ох какой он был вкусный. Однажды на обед нам выдали по соленой камбале. Мой друг Валя Панфилов взял камбалу и крикнул: "Ребята, это не камбала, а соленые жабы!" Что тут было, все побросали рыбу и бежать из столовой. А мы её спрятали под рубаху и довольны, что так просто обманули девчонок.

В первом классе я учился хорошо и у меня сразу из первого класса перевели в 3-й, так как 2-го не было. Однажды мы со Сквородиным Шурой пришли в школу и забыли пояски. Дорогой сорвали осоку и ей подпоясали рубахи. Дежурная Рая Кононенко это увидела и послала нас за поясками домой. По дороге было поле, где был постлан лен. И мы решили намять лен и сплести пояски. Сказано - сделано. Пока мы занимались плетением, занятия в школе окончились и ребяташки пошли домой. Это был 1933год. А однажды, идя в школу, мы с ребятами проходили мимо колхозной свинофермы. В загородке среди свиней разгуливал огромный хряк. Ребяташки меня начали подзуживать: "Сережка, а тебе не прокатиться на кабане?" - "Не прокатиться? Сейчас же увидите!" Отдал ребятам свою холщовую сумку, в которой доска и стеклолка, на доске мы выполняем уроки и вскочил верхом на кабана. Кабан этого не ожидал и сразу взбесился, начал по страшному хрюкать, изо рта пошла пена и все старался достать меня клыками. А я вцепился в щетину черно-пестрого великана, испугался до смерти. Свинарки тоже перепугались. Испуганные стояли и ребяташки. Кабан в любую минуту мог разорвать меня, носится с раскрытой пастью по лесочку. Я выбрал момент и со спины кабана прыснул на талину и быстрее полез вверх. Кабан развернулся и хотел меня поймать, но поздно. Я как бурундук был уже на вершине талины. Был еще случай. Пошли мы с друзьями в кедровый остров за шишками. Везде следы медведя. Мы лазим по кедрам, сбиваем шишки. А медведь в это время тоже на кедре сидит. Это

заметили мои друзья и дай Бог ноги. Только успели крикнуть: "Сережка! Слезай скорей! Вон медведь на кедре!" Я скорее спустился, испугался не столько медведя, а того как и куда домой идти. Тороплюсь, плачу, ищу свой след, чтоб по нему домой идти. Нашел и бегом домой. Лишь километра через три догнал ребят. Говорю им: "Вот это хорошие друзья. Бросили на медведя меня одного в тайге". Когда ходили в следующие разы в эту таежку, то по дороге громко кричали, пели не своим голосом - предупреждали медведя, что бы он ушел вовремя. Собак в то время не было ни у кого - нечем было их кормить. А то бы взял с собой собачку и она обязательно предупредит хозяина, "скажет" где и что есть живое, а иногда поможет, защитит хозяина.

В 1933 году в Коровино организовался колхоз. А в нашем поселке мужики уперлись и не хотели колхоза. К этому времени почти все имели коней, коров, свои поля раскорчевали, завели кур и свиней. Родился не плохо хлеб, особенно рожь. Позже не стали садить этот прекрасный сорт ржи, заменили его "Вяткой". Говорили, что хороша рожь "сыпучка", но сильно большие потери - сыпется. А завели "Вятку" и не стала сыпаться на землю и в закроем тоже.

Комендант Храмцов, приятель отца, сговорил его пойти в коровинский колхоз. В колхозе его поставили завхозом и кладовщиком, но ходить туда нужно было 2 км - далеко. А когда через 2 года у нас образовался колхоз "Трудовик" мы перешли в него. Сколько снова было слез. Увели в колхоз коня, потом дело дошло до коровы, но мать сказала отцу: "Иди в свой колхоз один, а мы семьей не пойдем и корову не отдадим, хватит умирать с голоду, а дальше ссылать не куда. И корову подергали, подергали за поводок из рук матери, да тут еще вцепились мы детвора, заорали хором будь-то нас режут и отступились. Родителей летом отправляли корчевать поля, а мы дома, я за старшего. Иосиф тоже работал, пахал на лошадях, корчевал лес. Мои обязанности были: подоить днем корову, напоить теленка, нарубить на следующий день сучьев на дрова, принести их к избе, следить что бы куры не выгребали в огороде овощи и картошку, накормить и доглядеть за сестренками. Но иногда было на оборот, хоть им за мной присматривай. Заиграюсь с ребяташками, то в пруду купаемся, то в лес за ягодами убежим. После этого родители поругают меня и я снова исправно выполняю свои обязанности.

Старожилы сеяли озимую пшеницу, она хорошо родилась и я загорелся желанием посеять свое "поле". Было мне лет десять. По весне соберу своих сестреночек, кого во что одену, в материнскую или отцову фуфайку, платок и за ручей. Там я облюбовал место, где не было больших берез, а рос кустарник. Стал я его корчевать, потом копать, а в начале августа снова перекопал и хорошо разборонил землю. После уборки пшеницы, что сеяли Мальцевы, я ходил собирать зерна и колоски. Хотя убирали пшеницу тщательно, я насобирав горсти две или три зерна озимой пшеницы и посеял на своем "поле". Бегали смотрели, как растет наша пшеница, радовались, боялись что бы бурундуки или зайцы не съели. На следующий год "поле" расширил, занимало оно теперь половину сотки. Снова дважды перекопал, засеял. И когда мать сжала пшеницу получился небольшой снопик. Все до зернышка посеяли. Но увидел мое "поле" председатель коровинского колхоза "Пролетарий" Шулик Герман Васильевич и совершенно серьезно сказал: "Пшеницу заберем в колхоз. Ишь на наших колхозных землях единоличники развелись!" Да, за ручьем действительно земли были отведены коровинскому колхозу, а сковородинским единоличникам земли были выделены по дороге в Кириллово и Медвежку. Мы

поторопились скорее пшеницу сжать. Получилось 6 хороших снопов, которые я перетаскал домой и спрятал для просушки на чердак избы. Потом палкой обмолотил снопы, мать на жерновах смолола и из крупы варили кашу. Но все же боялись, что б Шулик не отобрал. Вот он голод как нас воспитал, даже наши детские игры не были праздными.

Потом в углу у ручья, куда никто не ходил я раскорчевал и посеял "поле" 5м на 5м клевера. Говорила мне мама, что когда я был на войне, в моменты когда особенно было тяжело, она рано по утрам и вечером ходила на этот клевер поплакать и станет вроде легче на душе, как будто со мной повидалась. И так всю войну, все пять лет моей службы. Бедная мама, сколько же ты слез вылила! Сколько натерпелась, намучилась. Отец тоже много пережил, но виду не показывал. А что выпало на долю моих сестер Шуры, Лены! Чего стоили лесозаготовки: мороз, голод, плохая одежда. И не было у нас лучшей поры - молодости. У меня её отняла война, у брата скитания и мытарства вдали от семьи, а у сестер адский труд.

Жизнь в колхозе. (1933 - 41 года)

Время было трудным и жестоким. За любой непредвиденный случай - тюрьма, за слово правды - расстрел. Боялись друг другу сказать правду. Всем надо было говорить: "Живем счастливо и зажиточно. Всех врагов победим и на всей Земле построим "Светлое будущее - коммунизм". Весь мир до основания разрушим и наш мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем". Попробуй скажи, что живем хуже некуда! Да и сами стали верить, как будто живем лучше всех, у нас счастливое детство и старость, самое лучшее в мире государство, лучшая промышленность (Япония выпускала 12 мил. Автомобилей, а мы и 2-х не производили), самое современное сельское хозяйство, наука, культура, медицина и т. д. Самые мудрые наши вожди думали: есть фуфайка, рубаха и штаны - ну и хорошо, что еще надо! Только "буржуям" много надо, а мы не такие дурные, чтоб многого хотелось иметь! Толи еще будет: ай, ай.

Колхоз "Пролетарий" набирал темпы. Корчевать ходили по 30-40 человек. Потом копали лопатами целину каждому по 2 метра ширины "загонку" и сразу выходило поле в 60-80 метров вскопанной земли. Копали все в ряд. А вечером подводили итоги. Бригадир мерил саженью у каждого вскопанную землю и записывал в табель. В поле было построено 2 избы - "культстаны". На видном месте висели две доски: красная и черная. На красную доску заносили фамилии тех, кто перевыполнил за день норму выработки, а на черную - кто не выполнил. Женщины послабее не могут вскопать по 6 соток целины, попадали на черную доску. Плачут: "Уберите нас с черной доски, мы норму ночью докопаем!". И докапывали, приходили домой среди ночи, измученные, а тут ждет орава голодных ребятишек. Вот тебе и "светлое будущее". Его только и ждали, а оно все где то не "идет". На культстане варили в большом котле обед на всю бригаду. Основным питанием была "затирка" т.е. суп из муки (мука затертая в мелкие клубочки с водой). Варили и овсяный кисель, в котором была и облочка, пили молоко, его приносили в бутылке, но больше не молоко, а обрат, ведь надо было сдать масла топленного 12кг, а иначе и корову отберут. Помню, как мы школьники, приходили на культстан писали лозунг "Вперед к победе коммунизма!"

В колхозе начался массовый падеж лошадей. Решили что причина - ящур. Приехал комендант, стали искать "врага народа", который напустил болезнь на